

сть имена в русской истории, которые со школьной скамьи производишь с душевным трепетом, имена тех, чья жизнь была постоянным подвигом во имя Родины, во имя народа. Таковы декабристы, лучшие люди России начала прошлого столетия.

...На одном из бесчисленных стеллажей главного книгохранения библиотеки Казанского университета много лет, не привлекая ничьего внимания, стояли четыре тонких томика книги И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Москва, 1832—1834»¹. Странно! Ведь на титульном листе каждого из томов — четкая владельческая надпись, которая должна была обратить внимание любого, хотя бы случайно взявшего эту книгу в руки: «Матвей Муравьевъ-Апостоль». И штамп: «Библиотека М. И. Муравьева-Апостоля».

Их было трое братьев Муравьевых-Апостолов, принявших участие в восстании. Сергея повесили на валу Петропавловской крепости. Ипполит застрелился на поле сражения после разгро-

ма Черниговского полка. Матвею смертная казнь была заменена сибирской ссылкой.

Когда же сочинение Снегирева попало в руки Матвея Ивановича Муравьева-Апостола? Этот вопрос первым приходит в голову.

Сразу же нужно отвергнуть вариант, что книга была приобретена Матвеем Ивановичем после возвращения из Сибири в 1856 году, так как очевидно, что надпись на титульных листах сделана рукой не старика (в 1856 году М. И. Муравьеву-Апостолу было 63 года), а полного сил человека. Значит, книга была прислана ему в Сибирь. Возможно, что каждый томик посылался по мере выхода в свет, в тот же год; возможно, что книга Снегирева была переправлена, когда вышла полностью, то есть в 1834 году или вскоре после этого. Находился в это время М. И. Муравьев-Апостол на поселении в далеком Бухтарминске.

Долгим был путь декабриста в Сибирь. Начался он 1 октября 1827 года, когда Матвея Ивановича из одной крепости — Форт Слава — доставили в другую — Шлиссельбургскую. Здесь он и узнал о «высочайшей милости»: каторжные работы заменены поселением. Многомесячная дорога все дальше увозила ссыльного от родных и друзей: Ярославль, Вятка, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Красноярск, Иркутск, Якутск и, наконец, глушь, хуже которой не придумаешь, — Вилюйск.

О Вилюйске этого времени, о тех, кто окружал ссыльного декабриста, о его мыслях и чувствах мы имеем совершенно точные и достоверные сведения — воспоминания самого Матвея Муравьева-Апостола, продиктованные им в 1883 году товарищу по ссылке, декабристу Александру Петровичу Беляеву². И через 56 лет память Матвея Ивановича сохранила каждую деталь, каждое ощущение: «Вилюйск нельзя было назвать ни городом, ни селом, ни деревней; была, впрочем, деревянная двухэтажная церковь, кругом которой расставлены в беспорядке и на большом расстоянии друг от друга якутские юрты и всего четыре деревянные небольшие дома... Юрты эти — четырехугольные строения из крупных лиственных бревен, крыша деревянная, пол досчатый и образует двухсаженный квадрат; в моей юрте пристроены были небольшие сени. Осенью, до наступления морозов, стены снаружи обмазывают густым слоем глины, смешанной с

пометом, а в начале зимы обкладываются снегом на сажень высоты. В чувале, как зовется безобразный татарский камин, дрова горят целый день и над крышею выведена дымовая труба, которая закрывается снаружи на ночь. Отверстие для пяти окон в моей юрте закладывает-ся льдинами...»³

В этой юрте, в Вилюйске, Муравьев-Апостол жил больше года. Он занимается земледелием — даже сумел вырастить здесь картофель, учит детей грамоте, о чем свидетельствуют его воспоминания: «По неимению в этой глуши часов, пришлось придумать забавный способ для определения классного времени. Я над своей юртой выкидывал флаг, служивший знаком, что я жду своих учеников, и они на этот немой зов немедленно являлись с своей книгой»⁴.

К физическому труду Матвеем Ивановичем привыкать было легко. Софья Васильевна Скалон, дочь известного драматурга В. В. Капниста, вспоминает: «М. И. Муравьев-Апостол недолго был адъютантом, вскоре выйдя в отставку и поселившись отшельником в своей деревне, он никуда не выезжал... и, несмотря на большое состояние, жил очень просто, довольствуясь малым, любя все делать своими руками: он сам копал землю для огорода и для цветников, сам ходил за водою для поливки и не имел почти никакой прислуги»⁵.

Поэтому работа на огороде и в поле (кроме картофеля Муравьев-Апостол пытался вырастить и просо), уход за коровой, любой другой крестьянский труд не были тягостными для вилюйского поселенца. Другое дело — одиночество, оторванность от общества. И здесь могли помочь только старые, верные друзья — книги.

Любовь к книге проходит через всю жизнь М. И. Муравьева-Апостола. В этом можно легко убедиться, перелистав материалы о нем — воспоминания близких, письма, наброски, мемуары. В уже цитировавшихся воспоминаниях С. В. Скалон пишет: «Матвей Иванович... обыкновенно привозил мне читать что-нибудь интересное, в беседах с ним незаметно пролетали целые часы»⁶ (Софья Васильевна вспоминает о периоде 1823—1824 годов).

Находясь в Петропавловской крепости и будучи уверен, что его ждет смертная казнь, М. И. Муравьев-Апостол пишет на чистых страницах переданного ему родны-

ми экземпляра евангелия своеобразную исповедь-завещание младшему брату Василию. И в эти дни (январь 1826 года!) он не забывает рассказать о своих литературных взглядах, о своем любимом писателе: «Из всех писателей, которых я читал в своей жизни, больше всего благодарности я питаю, бесспорно, к Стерну. Я себя чувствовал более склонным к добру каждый раз, что оставял его. Он меня сопровождал всюду. В первый раз я читал его в 1815 году, когда полк шел в Вильно...»⁷

Лоренс Стерн, основоположник сентиментализма, привлекал Муравьева-Апостола культом доброты, раскованности чувства, искренности. Байрона же Матвей Иванович не принимал, так как тот «наделал много зла, введя в моду искусственную разочарованность, которою не обманешь того, кто умеет мыслить. Воображают, будто скукою показывают свою глубину — ну пусть это будет так для Англии, но у нас, где так много дела, ... где всегда возможно хоть несколько облегчить участь бедного селянина, лучше пусть изведуют эти попытки на опыте...»⁸ (письмо И. Д. Якушкину от 27 мая 1825 г.).

Вся жизнь Матвея Ивановича была таким «опытом». Вершиной его стало восстание Черниговского полка — попытка изменить государственный строй России, в том числе и положение крестьян.

Книги сопутствовали Матвею Ивановичу и в Сибири. Разрешение на переписку с родными и получение книг — самая большая радость для него. Вот несколько виллюйских записей: «...Я легко свыкся с одинокою жизнью в юрте. Были у меня книги...», «...постоянные мои занятия — чтение, изучение английского языка и письменная корреспонденция с родными и с товарищами...»⁹. Не изменилась жизнь М. И. Муравьева-Апостола и в пограничном Бухтарминске, куда, по настойчивым хлопотам сестры, его перевели летом 1829 года. Климат был здесь мягче (Бухтарминск расположен рядом с Усть-Каменогорском), однако оторванность от культурных центров, одиночество оставались теми же. Но рядом были книги. Их присылали находившиеся за тысячи верст родные и друзья. Одной из таких книг и было сочинение И. Снегирева.

Видимо, книжка пришлась по душе Матвею Ивановичу. Он не захотел расстаться с ней при отъезде из Сибири и привез с собой в Москву. Об этом говорит тот

факт, что книга эта была приобретена для библиотеки Казанского университета именно в Москве в 1897 году (после смерти М. И. Муравьева-Апостола) на распродаже у книготорговца Шибанова.

Чем же могла привлечь книга «Русские в своих пословицах» декабриста Матвея Муравьева-Апостола? Прежде всего, конечно, своей темой; ведь Матвей Иванович, как и все участники восстания 1825 года, горячо любил свою Родину, русский народ. Естественно, что книга о русских народных пословицах не могла оставить его равнодушным.

Не надо забывать и того, что Матвей Иванович детство и отрочество провел за границей и вернулся в Россию шестнадцати лет, почти не умея говорить по-русски. Однако очень скоро он овладел родным языком, полюбил его и почувствовал все обаяние народной разговорной речи. Этот интерес к меткому народному словцу он сохранил на всю жизнь.

А «Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках» И. Снегирева были первой серьезной научной работой, собравшей большое количество народных афоризмов и проанализировавшей их возникновение и употребление.

Профессор Московского университета И. М. Снегирев писал в предисловии к своей книге: «Ни в каком употреблении речи столько не обнаруживается характер и образ мыслей народа, или лучше сказать весь народ, как в своих пословицах... Многие народы в притчах и поговорках сохраняли достопамятные происшествия истории своей...»¹⁰. И этому принципу — показать через пословицы жизнь и мысли народа — И. Снегирев старался следовать во всех четырех частях своего исследования.

Работа московского профессора охватывает большой материал. Она интересна даже для современного читателя, хотя издана в 30-е годы XIX века. Самое ценное в книге Снегирева — отражение вольнолюбивых стремлений народа, его затаенных дум. Ведь в пословицах, как в любом народном творчестве, мужицкие мечты о воле занимали не последнее место.

Можно легко представить, как склонялся в деревенской избе при свече над небольшими томиками Матвей Муравьев-Апостол, вчитываясь в выделенные курсивом пословицы и еще, еще раз вспоминал прошлое. Вспомни-

нал шумные споры, проекты, друзей. Вспоминал своих погибших братьев.

Вся история многострадального русского народа, воплощенная в метких афоризмах, проходила перед ним. «Стать всем за один, либо живот, либо смерть за правду новгородскую» — пословица, донесшая через века эхо шумного новгородского веча. Кто из декабристов не преклонялся перед свободолюбивым Новгородом? Пламенные строки посвятил ему Кондратий Рылеев.

Не один раз, наверное, Матвей Иванович перечитывал полюбившуюся ему книгу и все лучше проникал в душу народную. Многие пословицы он только сейчас смог понять, хотя раньше слышал их не раз: ведь он жил теперь в гуще народной. В Бухтарминске среди его знакомых — простые казаки, солдаты, мелкие чиновники. Он еще ближе познает их жизнь и их заботы. М. И. Муравьев-Апостол даже становится лекарем — кто, кроме него, поможет крепостному или нищей казачке?

С особой убедительностью звучали в тишине избы пословицы о тяжелой народной доле: «То не беда, что во ржи лебеда; а тогда две беды, когда ни ржи, ни лебеды»; «Прежде одну свинью кормили, а теперь с поросятами» (о чиновниках-взяточниках); «Мир окладывают, да волости обкрадывают» (о сборе налогов). Их десятки, таких пословиц. О кнуте, который ждет непослушного, о монастырских ямах, в которых морили голодом, о суде, в котором не найдешь правды.

И еще одна сторона книги И. Снегирева была близка ссыльному декабристу. Хотя работа ученого и называется «Русские в своих пословицах», в ней приведены поговорки и других народов: украинского, польского, чешского, татарского... Интерес декабристов к жизни и быту народов, населявших Россию, общеизвестен. Не был исключением в этом отношении и М. И. Муравьев-Апостол. Об этом свидетельствуют записи его воспоминаний о якутах.

Кстати, в исследовании И. Снегирева впервые в истории русской словесности татарские пословицы приведены и на языке оригинала (на арабском шрифте), и в русском переводе. Сорок две татарские пословицы сообщил И. Снегиреву профессор Казанского университета, известный востоковед Ф. И. Эрдман¹¹. Казанскому же профессору принадлежит и перевод татарских пословиц на

русский язык. Многие из них переведены явно удачно: «Что птенцы увидят в гнезде, то самое они увидят летая», «Не стучи в чужие ворота, будут стучать и в твои», «Дурная лошадь следует за жеребенком»...

То, что Франц Эрдман собирал татарские пословицы — свидетельство глубокого интереса одного из первых казанских востоковедов к жизни и культуре татарского народа. Причем, собирал их Эрдман «из уст татар и из рукописей».

С удовлетворением отмечал Снегирев участие в своей работе казанского коллеги. Московский профессор также заинтересовался татарскими пословицами, он знакомится с первой татарской хрестоматией Ибрагима Хальфина, консультируется с академиком Х. Д. Френом, недавно переехавшим из Казани в столицу, и приходит к выводу, что многие татарские пословицы «разительно сходны с русскими по взаимному издревле их сношению».

И в последней части своего сочинения И. М. Снегирев еще раз возвращается к татарским пословицам и приводит двадцать новых примеров («Стыд хуже смерти», «Гнев — враг человеку, а разум друг его» и другие).

Книга «Русские в своих пословицах» оказалась хорошим другом для М. И. Муравьева-Апостола. После бесед с такими книгами-друзьями уходило чувство одиночества, возникало чувство единения своей судьбы и судьбы народной. Возникала справедливая мысль, что народ не забудет их, братьев Муравьевых-Апостолов. Не может забыть!

